

ОППОНИРОВАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ: ЧЕРЕЗ БУКВУ НОРМЫ – К ПРИНЦИПАМ ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ

В. М. Аникин¹, Б. Н. Пойзнер²

¹Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Россия, 410012 Саратов, ул. Астраханская, 83

²Национальный исследовательский Томский государственный университет
Россия, 634050 Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: AnikinVM@info.sgu.ru, pznr@mail.tsu.ru
Поступила в редакцию 22.06.2017

Авторы устанавливают методологическое родство в творчестве соискателя учёной степени и его оппонента, выявляя единый контекст, который связывает: обновление предмета исследования в диссертации, положения, выдвигаемые на защиту, принципы их экспертизы и оценивания достижений диссертанта, сущность формальных требований к отзыву оппонента и возможности его самовыражения как творческой фигуры, вовлечённой в познавательный процесс. Затронут историко-культурный аспект оппонирования. Современный оппонент (название термина соотнесено с древнеримскими триумфами) на практике играет роль критика, который оценивает и отрицательные, и положительные качества диссертации, и целью его работы является вынесение «бинарного» вердикта о научно-квалификационном качестве диссертации. Отмечается, что суть действий защищающегося и оппонента может быть охарактеризована античным понятием *ἐπίδειξις* (эпидейксис). Основные требования к официальному оппоненту – компетентность и объективность. По мнению авторов, проявлением объективности служат такие основные принципы, реализованные при критическом анализе диссертации, как следование идеалам научности, характеристика проведенного в диссертации совершенствования предмета исследования, квалификация защищаемого научного положения в контексте возникновения нового знания. Иллюстрируется недостаточность использования наукометрических показателей автора или отдельных его публикаций для формирования ценностной оценки научной работы. Демонстрируется корректность формулировок аспектных характеристик диссертации на примере анализа оппонентами магистерской и докторской диссертаций А.Н. Шварца, министра народного просвещения России в 1908–1910 гг., что говорит о преемственности критериев оценки диссертаций.

Ключевые слова: Оппонент, диссертация, предмет исследования, положение, выносимое на защиту, объективность экспертизы, проponent, А.Н. Шварц.

DOI: 10.18500/0869-6632-2017-25-6-79-98

Образец цитирования: Аникин В.М., Пойзнер Б.Н. Оппонирование диссертации: через букву нормы – к принципам объективной оценки // Известия вузов. Прикладная нелинейная динамика. 2017. Т. 25, № 6. С. 79–98. DOI: 10.18500/0869-6632-2017-25-6-79-98

OPPONING THE THESIS: THROUGH LETTERS OF NORM TO THE PRINCIPLES OF OBJECTIVE EVALUATION

V. M. Anikin¹, B. N. Poizner²

¹Saratov State University
83, Astrakhanskaya, 410012 Saratov, Russia

²Tomsk State University
36 Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russia
E-mail: AnikinVM@info.sgu.ru, pznr@mail.tsu.ru

Received 22.06.2017

The authors establish a methodological relationship in the creativity of the competitor of the scientific degree and his opponent, revealing a single context that links: the renewal of the subject of research in the thesis, the provisions put forward for defense, the principles of their examination and assessment of the achievements of the candidate, the essence of formal requirements for revoking the opposition and the possibility of his self-expression as a creative figure involved in the cognitive process. The historical and cultural aspect of the opposing the thesis will be touched upon. The modern opponent (the name of the term is correlated with the ancient Roman triumphs) in practice plays the role of a critic who evaluates both negative and positive qualities of the dissertation, and the purpose of his work is to make a «binary» verdict on the scientific and qualifying quality of the dissertation. It is noted that the essence of the actions of the defending and the opponent can be characterized by the ancient concept of ἐπίδειξις (epideixis). The main requirements for an official opponent are competence and objectivity. In the opinion of the authors, such basic principles, realized in the critical analysis of the dissertation, serve as the manifestation of objectivity: adherence to the ideals of scientific character, the characterization of the improvement in the subject of research conducted in the discourse, the qualification of the protected scientific position in the context of the emergence of new knowledge. The lack of using scientometric indicators of the author or some of his publications to form a value evaluation of scientific work is illustrated. The correctness of the formulations of the aspect characteristics of the dissertation is demonstrated by the example of analysis by opponents of the master's and doctoral theses by A.N. Schwarz, the Minister of Public Education of Russia in 1908–1910, that the continuity of the evaluation criteria for dissertations is indicated.

Keywords: Opponent, thesis, subject of research, scientific statement, defense-related, objectivity of expertise, proponent, A.N. Schwarz.

DOI: 10.18500/0869-6632-2017-25-6-79-98

References: Anikin V.M., Poizner B.N. Opposing the thesis: Through letters of norm to the principles of objective evaluation. *Izvestiya VUZ. Applied Nonlinear Dynamics*. 2017. Vol. 25. Issue 6. P. 79–98. DOI: 10.18500/0869-6632-2017-25-6-79-98

Введение

Официальные оппоненты при защите диссертаций – это только небольшая вершина айсберга под названием «научные эксперты»: имена официальных оппонентов не скрываются, имена авторов отзывов на научные проекты, журнальные статьи и т.п., как правило, не разглашаются или сообщаются авторам рецензируемых работ только при согласии давших отзывы. По определению, научные оппоненты и рецензенты должны составлять наиболее квалифицированную и объективную часть научного сообщества. Но, как утверждал еще Вергилий, «никто не может быть ни

всезнающим, ни всемогущим»¹, к тому же работают эксперты не в «безвоздушном пространстве». В этой публикации мы описываем модель работы независимого официального оппонента над отзывом, которая, на наш взгляд, может быть полезной при проведении научной экспертизы.

Авторы устанавливают методологическое родство в творчестве соискателя учёной степени и его оппонента, выявляя единый контекст, который связывает обновление предмета исследования в диссертации, положения, выдвигаемые на защиту, принципы их экспертизы и оценивания достижений диссертанта, сущность формальных требований к отзыву оппонента и возможности его самовыражения как творческой фигуры, вовлечённой в познавательный процесс.

1. Этимология терминов «оппонент» и «пропонент»

Принято считать, что слово «оппонент» происходит от лат. *opponens, opponētis* – возражающий. Этимон – глагол *oppono* – класть (ставить) перед, помещать против, противопоставлять, особенно для защиты или отражения; словами (в опровержение или сравнивая) противопоставлять, что-нибудь страшное выставлять на вид; возражать; сопоставлять [1, с. 436]. Как видно, это довольно нейтральный этимон.

Существует любопытная версия, трактующая изначальное понятие слова «оппонент»²: когда римский полководец (император) после очередного победоносного похода возвращался в Рим и торжественно проезжал по улицам мимо ликующих толп народа, то специальный человек, называемый оппонентом, бежал за колесницей императора, ругал, всячески поносил императора и припоминал все его прошлые промахи для того, чтобы император не очень возгордился.

Триумфами³ назывались праздничные («триумфальные») вхождения войск в Рим после победоносного завершения очередной войны. Триумф назначал римский сенат после отчёта командующего войском. Одно из условий для проведения триумфа было поистине кровавым – противник должен был потерять не менее 5000 человек убитыми (и тут «цифра»!). Существовал специальный этикет триумфального шествия. В центре процессии находилась запряженная четырьмя белыми конями (слонами или оленями) позолоченная колесница, в которой стоя ехал военачальник-победитель в вышитой пальмовыми ветвями тунике, украшенной золотыми звездами пурпурной тоге и позолоченной обуви; государственный раб держал над головой тяжёлый золотой венок. Триумфатора сопровождала длинная процессия, в которую входили ликторы в красных военных плащах с фасциями, обвитыми лавром, родственники триумфатора, консулы, преторы, квесторы, эдилы, а также сенаторы. За триумфальной колесницей шли освобожденные из плена римские граждане. Далее

¹Слово о науке. Афоризмы, Изречения. Литературные цитаты. Кн. 2. / Сост. Е.С. Лихтенштейн. М. Знание, 1981. 272 с, с. 24.

²Эту версию мы встретили в качестве цитаты в рукописях двух физиков: А.Ф. Голубенцева (Саратов) и А.П. Марголиуса (СССР, Германия). См.: Марголиус А.П. Воспоминания. Научная работа. URL: http://www.partner-inform.de/memoirs/artikles/Nauchnaja_Rabota_13.html; http://samlib.ru/m/margolius_a_p/nwissenschaft.shtml.

³Триумф (от лат. *triumphus* < *triumpus* – победное шествие) – торжественное вступление, торжественный въезд в Рим, предоставляемый сенатом полководцу и его солдатам за важную победу, отсюда выражение *triumphum agere* – торжествовать победу [1, с. 661].

следовали солдаты в лавровых венках и с военными наградами. Атрибутом процессии была длинная цепочка людей и колесниц с добытыми в войне ценностями... В назидание для народа в честь триумфаторов ставились памятники, на которых они изображались в триумфальном одеянии. Воздавали им должное и в произведениях литературы и искусства.

Детальное описание древнеримских триумфов содержит книга [2]. Словом, триумфаторы получали деньги и славу, от которой реально могло возникнуть «головокружение от успехов». Но, действительно, система триумфов предусматривала и «противоядие», которое начинало действовать уже в процессе шествия. Как отмечается в [2, с. 21], «чтобы эта кульминация человеческих и почти божественных почестей не имела таких дурных последствий, как гордость, *invidia*⁴, и сглаз, полководец надевал амулет (*fascinus*⁵) или прикреплял его к колеснице, вместе с маленьким колокольчиком и плетью». Звук колокольчика должен был возвращать триумфатора к действительности, кроме того, раб нашептывал ему про его человеческую сущность: «*Respice post te, hominem te memento*»⁶, поскольку «триумфатор старался уподобиться Юпитеру⁷ Всеблагому и Величайшему, для чего даже окрашивал лицо ярко-красным суриком» [2, с. 22]. Кроме того, солдатам позволялись (помимо восхваляющих восклицаний и песен) также едкие песенки, высмеивающие слабые стороны триумфатора и даже содержащие грубейшие непристойности в его адрес (к разным полководцам солдаты по-разному и относились). Вот так в Древнем Риме и возникли первые оппоненты?!

В современном понимании официальный оппонент (при защите диссертации) – это назначаемое диссертационным советом лицо, которому поручается оценка диссертации и выступление при защите диссертации, которая, по определению, должна иметь форму научной дискуссии, или, как чаще говорили раньше, научного диспута. В задачи оппонента входит оценка не только слабых, но и сильных сторон диссертации.

В ранних университетах Европы антиподом оппонента выступал *пропонент* – лицо, представлявшее аргументы и доказательства в пользу диссертанта либо диспутанта во время публичного обсуждения вопроса. Этимон – лат. глагол *propopo*. Буквально он означает: ставить перед глазами других, выставлять, выкладывая, вывешивать. В переносном же смысле – представлять, указывать, излагать, изображать, рассказывать, делать известным; что-либо хорошее предлагать, обещать; угрожать, приводить, упоминать, предполагать [1, с. 511]. Пропонент составляет некую параллель адвокату в суде. Но от пропонента отнюдь не требуется аполгии, то есть не критического восхваления соискателя⁸.

⁴Зависть (лат.), причём не столько людей, сколько богов.

⁵Мужской член (лат.)

⁶Не упускай из виду того, что будет после тебя, помни о человеческом в тебе (лат.), пер. авторов.

⁷Юпитер – верховный бог у римлян, соответствует греческому Зевсу. Имя произошло от формулы обращения «Небо, отче!», или **dyeu paeter*. А формула повторяет греческий вокатив, то есть звательную форму имени, *Ζεῦ πατήρ* (Зевс, Отче). Подробнее см.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с., с. 147–148].

⁸Соискатель, выдвигающий и аргументирующий научные утверждения при защите диссертации, и поддерживающий положения диссертации официальный оппонент до какой-то степени замещают функции пропонента.

В основе института оппонирования лежит способ познания, требующий подвергать сомнению и проверке любое научное утверждение (положение) в соответствии с критериями и идеалами научности. Это нашло отражение в знаменитой фразе: «*Discussio mater veritas est*» – «*В обсуждении рождается истина*».

Уж коли мы обратились к античности, то в контексте защиты диссертации сразу вспоминается слово «синклит», то есть собрание высших сановников (иногда имеющее ироническое звучание, скажем, *синклит мудрецов*). Этимон здесь – др.-греч. *σύγκλητος* – созданный, собранный (позднее так именовали сенат в древнем Риме). Суть действий автора защищаемых научных положений и оппонентов на защите передаёт понятие *ἐπίδειξις* (эпидейксис). В его семантическом спектре присутствуют смыслы публичного обсуждения творческого продукта. Слово *ἐπίδειξις* означает: показывание; показ, выставка; смотр (как средство довести до сведения людей, сделаться известным); доказательство, проба чего-либо; изложение, речь (произносимая с целью выказать искусство ораторское); демонстрация военная, мнимый манёвр [3, стлб. 486, 1170]. По-видимому, сердцевина ритуала защиты – волнующее испытание авторских защищаемых положений на достоверность.

Попутно заметим, что понятие объективности возникает в XVII в. и связано с постановкой проблемы познания независимой реальности. В современном толковании «понятие достоверности предполагает всеобщую значимость – именно она отличает достоверное знание от мнения, которое, будучи приватным, подвержено ошибке. Всеобщая значимость суждений – распределённость между всеми разумными существами – придаёт им онтологический статус» [4, с. 100, 103].

Есть ли у древних подходящий термин? Да. Вот греческое *ἐπίδειγμα* (эпидигма) – доказательство, проба, образчик. Наверное, возможна ещё одна параллель с эллинистической традицией. Её выявил бы анализ «эпидейктического» (*ἐπίδεικτικός*) слагаемого в амплуа соискателя, столь похожем на роль *протагониста* (*πρωταγωνιστής*) в античном театре. И – в амплуа оппонента, то есть *антагониста* (*ἀνταγωνιστής*), ведущего с автором защищаемых научных положений энергичную «тяжбу» за истину, *ἀλήθεια* [3, стлб. 52, 122, 486, 1099].

2. Формальные и содержательные требования к оппоненту

Действующим «Положением о присуждении учёных степеней» существенно ограничен круг лиц, которым разрешено оппонирование конкретной диссертации. За пределы этого круга выведены, в частности, члены диссертационного совета, где будет происходить защита (то есть, в принципе, люди, имеющие наибольший опыт рассмотрения диссертационных работ) и сотрудники той организации, где выполнена работа, то есть люди, которые могут наиболее досконально знать все плюсы и минусы представляемой к защите работы. В этой связи диссертационные советы испытывают трудности при назначении официальных оппонентов из числа местных научных работников, поскольку наиболее квалифицированная их часть как раз и состоит в советах и (или) работает в организациях, при которых советы созданы. Не бывает «худа» без «добра»: волей-неволей руководители диссертационных советов понуждаются к поиску квалифицированных оппонентов в других городах, что вносит элементы разнообразия в работу совета (в случае необходимости – с исполь-

зованием *online*-технологий). «Поражённые» же в правах оппоненты могут «показать класс», написав независимо от кого-либо отзыв на автореферат.

Категории лиц, которым не доверяется быть оппонентами, определены «Положением о присуждении ученых степеней»⁹. Но в истории диссертационных защит известны случаи, когда, например, роли научного руководителя и оппонента по диссертации успешно совмещались (см., например, [5, 6]).

Каждый оппонент (независимо от его пространственного «расположения») должен удовлетворять критерию научной состоятельности по рассматриваемой в диссертации проблеме, и это должно подтверждаться публикациями оппонента в области науки, объекта, предмета и метода исследования рецензируемой научной работы.

3. Наукометрические показатели как характеристика рецензента и рецензируемого

На помощь современным рецензентам пришли наукометрические¹⁰ показатели, в цифровом виде дающие характеристику автора (или его руководителя) научной работы (индекс Хирша, число работ в журналах особых категорий и т.д.). Цифровое «лицо» учёного определяется не только числом опубликованных книг и статей, но и числом откликов на них, которые учитываются в форме цитирования в публикуемых работах (хотя также используются и в форме непосредственного скачивания с сайтов, упоминания в списках рекомендуемой литературы и т.п.).

К значению индекса Хирша менее некоторого котирующегося значения просматривается настороженное отношение. Не все «одинаково полезны» и журналы и статьи при защите диссертаций и получении грантов: преимущество отдается зарубежным и центральным журналам, входящим в международные зарубежные базы данных.

Среди общего числа цитирований выделяется самоцитирование и подсчитывается его процент в общем количестве ссылок, тем самым вычленяется некоторая «информация к размышлению». Выводы по ней в случае, скажем, заметной доли самоцитирований неоднозначны и неопределённые: то ли статьи автора никому не интересны, хотя он и идет по «протопанной» дороге, то ли, наоборот, его дорога слишком оригинальна и, как выразался Козьма Прутков, «не входит в круг понятий» других публикаторов, и его работы составляют нечто логически целостное, то ли он пишет свои работы под иным ракурсом, чем коллеги, то ли элементарно не знаком

⁹Согласно п. 22 «Положения», «оппонентами не могут быть Министр образования и науки Российской Федерации, государственные (муниципальные) служащие, выполняющие работу, которая влечет за собой конфликт интересов, способных повлиять на принимаемые решения по вопросам государственной научной аттестации, члены Комиссии, члены экспертных советов, члены диссертационного совета, принявшего диссертацию к защите, научные руководители (научные консультанты) соискателя учёной степени, соавторы соискателя ученой степени по опубликованным работам по теме диссертации, а также работники (в том числе работающие по совместительству) организаций, где выполнялась диссертация или работает соискатель ученой степени, его научный руководитель или научный консультант, а также, где ведутся научно-исследовательские работы, по которым соискатель ученой степени является руководителем или работником организации-заказчика или исполнителем (соисполнителем). Оппоненты должны являться работниками разных организаций в случае осуществления ими трудовой деятельности».

¹⁰Термин «наукометрия» и первая в мире монография на эту тему принадлежит В.В. Налимову.

с работами последних. Так или иначе, «неразбавленный» список источников может толковаться по-разному и никак не тянет на публикационный «криминал». Приведем в этой связи один поучительный пример из истории научных публикаций.

В 1948 г. в Ленинградском государственном университете под руководством известного историка и филолога С.Я. Лурье кандидатскую диссертацию «Политическая роль дельфийского оракула (из истории Дельфов VI в. до н.э.)» защитила его аспирантка Л.М. Глускина, начавшая работу над диссертацией еще в 1944 г. в Саратовском университете, «приютившем» в военные годы университет Ленинградский. Как отмечается в [7, с. 392], «знаменитым общегреческим святилищем в те годы в Советском Союзе почти никто не занимался. И работа была по сути первым в советском антиковедении исследованием, где рассматривались не только политические, но и экономические проблемы истории оракула и святилища Аполлона в Дельфах. Надо заметить, что и потом у нее долго не было последователей. Фактически на протяжении полувека Лия Менделевна была единственным специалистом в стране по этой тематике. Только в 2000 г. вышла монография О.В. Кулишовой, посвященная истории этого святилища в архаический и классический период. По действовавшим тогда правилам публиковать статьи можно было только после защиты диссертации, не предусматривалось и издание автореферата. К диссертации прилагались лишь машинописные тезисы работы (5 стр.). Основное содержание диссертации нашло отражение в статьях, опубликованных Л.М. Глускиной уже в 50-е гг. в журнале “Вестник древней истории”».

4. Наполнение отзыва аспектными характеристиками диссертации

В случае анализа кандидатской диссертации главную часть отзыва оппонента должно составить подтверждение (неподтверждение) признаков наличия в диссертации нового решения теоретической задачи, существенной для развития определенной отрасли знаний, и (или) соответствующих новых научно обоснованных технических, технологических, программных и иных инновационных решений.

При анализе докторской диссертации оппонент должен дать заключение, о том, что наполняющие ее теоретические положения и (или) научно обоснованные технические, технологические или иные решения могут (не могут) быть квалифицированы либо как *научное достижение*, либо как решение *важной научной проблемы* в сфере человеческой деятельности, либо о том, что изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные *инновационные решения*.

В данном общем контексте в отзыве оппонентов должны быть охарактеризованы:

- актуальность темы диссертации в теоретическом и прикладном аспектах [8–10];
- новизна положений и результатов работы как признак научной квалификации [11–12];
- аргументированность, истинность и верифицируемость выносимых на защиту научных положений и результатов [13, 14];
- содержательность положений, выносимых на защиту, и итоговых выводов; перспективность реализации сформулированных рекомендаций по использованию результатов работы [11, 15–18].

Содержание замечаний официального оппонента касается нюансов соответствия работы критериям научности диссертации, включая названные аспектные характеристики. Отмечается также корректность владения соискателем научной терминологией и лингво-дисциплинарной компетенцией при представлении научных результатов в целом [19].

Проиллюстрируем сказанное на примере формулировок официальных оппонентов по диссертациям Александра Николаевича Шварца (1848–1915), министра народного просвещения России (1908–1910), с именем которого связано открытие в 1909 г. университета в Саратове. Подробные биографические сведения о Шварце оставил его ученик Сергей Иванович Соболевский (1864–1963), профессор Московского университета с 1893 г. Они приведены, в частности, как дополнение к книге А.Н. Шварца «Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе» [20].

Защите магистерской диссертации А.Н. Шварца предшествовала сессия из четырех магистерских экзаменов, которые он успешно сдал в течение нескольких факультетских сессий в ноябре–декабре 1873 г. Магистерскую диссертацию «Речь Гиперида за Евксениппа» он защитил на историко-филологическом факультете Московского университета 31 марта 1875 г. Диспут проходил на латинском языке¹¹. Оппонентами выступили известные специалисты в области древней словесности Ф.Е. Корш (1843–1915) и Ю.К. Фелькель (1812–1982). Их отзыв, несмотря на то, что он написан почти полтора века назад, может рассматриваться как образец оппонентского стиля, поскольку он отражает все существенные характеристики диссертации как научно-классификационной работы и одновременно демонстрирует свободу владения материалом самими оппонентами и красоту их пера. Вот поучительный отрывок из этого отзыва [20, с. 181–183].

«Непрерывный комментарий не входил в план диссертации г. Шварца, а потому, если мы и встречаем в ней объяснение отдельных мест разбираемой речи, то исключительно таких, которые проливают свет на ее общее значение, как памятника исторического и литературного. Это значение и составляет главный предмет исследования, и в этом смысле речь за Евксениппа подвергнута г. Шварцем такой полной и многосторонней обработке, которая до сих пор не выпадала на ее долю.

Предшественники его обращали внимание преимущественно на критику текста и лишь отчасти на экзегетику, но, и с этих сторон, речи не так посчастливилось, как, например, эпитафию. Поэтому г. Шварц мог воспользоваться трудами других ученых только для первых двух отделов своего исследования, хотя некоторые главы потребовали от автора много самостоятельной работы, особенно те, которые относятся к юридической обстановке речи. Но в последнем разделе, занимающем более трети диссертации, автор должен был сам пролагать себе дорогу, что дает возможность оценить его начитанность и критический такт во всей их полноте.

Нельзя не отнести с сочувствием к самой задаче этого отдела – объяснить громкую славу Гиперида в древности при помощи его собственных произведений, как ни незначительны их остатки. Предпочтение, оказанное при этом речи за Евксениппа перед эпитафией, свидетельствует о верности взгляда автора на истинное значение Гиперида как оратора. Суждения древних критиков, отрывочные и нередко тёмные, разъяснены и сопоставлены так, что на основании добытых этим путем данных слагается вполне определённый очерк ораторских особенностей Гиперида. В том же разделе обращает на себя внимание меткое сближение языка Гиперида с языком аттических¹² комиков.

¹¹По свидетельству А. И. Соболевского, брата С. И. Соболевского, «А. Н. так конфузился и говорил так тихо», что сидевшие даже на первой скамейке порой ничего не могли расслышать [20, с. 180].

¹²Аттика (от др.-гр. Ἀττική) – страна, где жили афиняне. Аттический (аттицизм) – свойственный её жителям стиль речи, отличавшейся интеллектуальной образностью, утончённостью, остротой.

Что же касается общего характера диссертации, то, помимо чисто научных её достоинств, ей свойственен тот особый интерес, который обусловлен сочувственным отношением автора к предмету своего изучения.

Таким образом, исследование г. Шварца, представляя полную и добросовестную обработку избранного им памятника и связанных с ним вопросов, в то же время заключает в себе много новых, остроумных соображений и выводов и, благодаря разнообразному содержанию своего предмета, служит блестящим доказательством обширной подготовки автора и многостороннего развития его научных сил».

Защиты диссертаций в Московском университете сопровождались освещением в прессе (см. также [4]). На диссертацию А.Н. Шварца в газете «Русские ведомости» (№ 71 за 1875 г.) был помещен анонимный отзыв, который содержал дополнительные аргументы в пользу соискателя (см. [20, с. 184–186]) и информацию о том, что «сочинение г. Шварца вскоре будет помещено в Филологическом сборнике, издаваемого профессором Ф.Е. Коршем в сотрудничестве с гг. Шварцем и Фортунатовым». В газетном отзыве работа Шварца характеризовалась как «крайняя редкость самостоятельных исследований в области классической филологии», «первый опыт авторской деятельности молодого ученого, окончившего курс в здешнем университете не более 8-ми лет назад».

Если отзывы на магистерскую диссертацию Шварца существенных критических замечаний не содержали, то его докторская диссертация не избежала подобающей критики. Текст диссертации был напечатан к 20 июля 1891 г., а 9 декабря 1891 г. в Новороссийском университете (Одесса) состоялась ее защита. Диссертация называлась «О государстве Афинском. Сочинение неизвестного автора V века до Р.Х.». Оппонентами были профессора историко-филологического факультета Новороссийского университета Ф.Е. Корш и Э.Р. Штерн (1859–1924). Вот отрывок из их отзыва на работу А.Н. Шварца [20, с. 214–219].

«Исследование г. Шварца состоит из трёх частей: 1) введения, 2) текста с критическими примечаниями и 3) объяснительных примечаний. В введении автор излагает содержание разбираемого им памятника и указывает встречающиеся в нем противоречия, причём он подробно останавливается на мнениях, выставленных для объяснения этих противоречий в новейшей ученой литературе. <...> Разбирая эти мнения, г. Шварц находит их несостоятельными и в противоположность им выставляет собственную гипотезу.

<...> Третий отдел, «Объяснительные примечания», занимает более половины всей книги, так как в нём находится центр тяжести аргументации автора для поддержания своей гипотезы и для опровержения несогласных с нею взглядов других ученых. Разбирая текст почти слово за слово, он с глубоким знанием дела и с большим остроумием устанавливает связи между отдельными мыслями сочинителя, оправдывает принятые им поправки и устраняет домыслы, только упомянутые в критическом аппарате, как основанные на предвзятом представлении о характере трактата или вытекающие из упорного желания добиться истины там, где положительные данные нам изменяют.

Подводя итог заключениям автора, мы должны указать как на положительные стороны его исследования на удачную полемику против теории Кирхгофа и Кобета и на констатирование посторонних тексту вставок, хотя нельзя не признать, что в выделении будто бы вставленных мест он заходит иногда слишком далеко. Кроме этого недостатка в критике памятника следует отметить, что характеристика личности автора и его цели страдает некоторой шаткостью и неопределённостью. Не совсем твёрдо и определение времени, в которое жил предполагаемый олигарх, приписавший к тексту свои злобные замечания. Наконец, гипотеза г. Шварца относительно происхождения и судьбы всего

сочинения едва ли может считаться бесспорно доказанной, и приведенная им аналогия сочинений Аристотеля мало помогает делу, так как их особенности зависят от причин другого рода.

Несмотря на эти слабые стороны, работа г. Шварца показывает в авторе основательные знания греческого языка и древностей и полное обладание приемами научной критики, вследствие чего она, по нашему мнению, совершенно соответствует цели, с которой представлена факультету».

Можно добавить, что рецензия на книгу А.Н. Шварца, написанная авторитетным антиковедом, филологом-классиком Ф.Ф. Зелинским (1859–1944), была помещена в 1892 г. в российском журнале классической филологии и педагогики «Филологическое обозрение» [см. 20, с. 214].

5. Принципы объективной экспертизы диссертации

В контексте защиты диссертации оппонент знаменательно именуется «официальным». Поэтому от него ждут действий по правилам, установленным ВАК и всем участникам известным *a priori*. Один из базовых императивов защиты, к сожалению, трудно поддающийся алгоритмизации, – объективность оценки диссертации, честный отказ оппонента от своих личных пристрастий и предпочтений. Конечно, это ставит пределы его творческой самостоятельности, но отнюдь не исключает её вовсе.

На наш взгляд, первый принцип объективной экспертизы диссертации – осуществление *идеалов научности* (их роль в консолидации научного сообщества отражена, например, в [13; 21, с. 47–49]). Причём полнота этого осуществления инспектируется и в оппонируемом исследовании, и сам ревизор действует, руководствуясь идеалами научности.

Второй принцип экспертизы, по нашему мнению, – анализ и характеристика того *совершенствования предмета исследования*, то есть его уточнения, углубления, расширения *etc.*, которого достиг соискатель (в рамках поставленной цели диссертации).

Чтобы пояснить сказанное, вспомним, что понятия объекта и предмета исследования тесно связаны, но отнюдь не тождественны. Это разъясняют, например, философы-методологи В.Г. Горохов, А.М. Пятигорский, В.М. Розин, Г.П. Щедровицкий. Объект исследования есть фрагмент объективной реальности, например, физической либо технической. В традиционном понимании она существует вне нас (наблюдателей) и независимо от нашего сознания. Так, А. Эйнштейн в письме (28.06.1951) к русскому философу-эмигранту Н.О. Лосскому (1870–1965) постулирует «общий принцип: полагание “реального мира”, которое отделяет, так сказать, “мир” от мыслящего и воспринимающего субъекта» [22, с. 87].

В.М. Розин допускает: «объект» и «предмет» в какой-то мере соотносятся как «существующее бытие, факт *etc.*» и его «смысл, зависящий от цели деятельности и (или) познания». При этом предмет понимается как знание об объекте и (или) как метод его познания, в том числе – экспериментальный [23, с. 42, 48].

Следовательно, предмет исследования «помещается» в *мышлении* исследователя. Предмет пребывает там в виде описания на специфическом «языке». То есть в виде *модели* в широком значении слова, построенной для достижения поставленной цели. Описание это обычно образует текст с формулами, символами, изображениями

ями, схемами, диаграммами и т.п. Оно хранится в памяти компьютера, в составе моделирующей программы, проявляется в строении и режимах работы экспериментальной установки, в содержании соответствующих методик эксперимента и т.п. Большинство исследователей, включая экспериментаторов и изобретателей, имеют дело исключительно с *предметом* исследования, а не с объектом.

Когда оппонент знакомится с предметом исследования, выбранным соискателем? На наш взгляд, – когда читает обзорную часть (главу) диссертации. Допустим, что она написана адекватно ситуации, сложившейся в данном направлении исследований к моменту начала работы диссертанта. Это значит, что составленный им обзор корректно и достаточно полно излагает:

- известное мировое знание об объекте исследования (факты, закономерности, корреляции, причинно-следственные связи и т.п.),
- способы получения нового знания (теории, всевозможного рода модели, эвристические принципы, методики, гипотезы и т.д.),
- язык(и) описания объекта, то есть система специальных терминов и общенаучных понятий, необходимая для познавательной работы в данной области.

Таким образом, на «входе» диссертации имеется «старый», («сложившийся» – в терминологии В.М. Розина [24, с. 95]) предмет исследования, сконструированный предшественниками автора. А на «выходе» её – обновлённый предмет исследования. Он в ряде аспектов (или в одном аспекте) улучшен, модернизирован, усовершенствован творческими усилиями соискателя.

Диссертанту следует максимально рельефно подчеркнуть разницу между стартовым («старым») и финальным предметом исследования. Для этого у него есть минимум три возможности:

- выдвинуть положения, выносимые на защиту (ПВЗ), обосновав их достоверность, новизну, научную и (или) прикладную ценность;
- сформулировать выводы, раскрывающие суть других результатов («неудобных» для выражения в формате ПВЗ, скажем, относящихся к экспериментальной установке, испытательному стенду, программному модулю, учебному тексту *etc.*);
- дать рекомендации по сфере и форме использования материалов работы и (или) их дальнейшему внедрению.

В том, что касается ПВЗ как специфического научного жанра, авторы, опираясь на свою многолетнюю практику работы в диссертационных советах, исходят из следующих соображений. ПВЗ составляет квинтэссенцию диссертации и служит показателем того, насколько продуманно, тщательно, корректно и уважительно к будущему читателю формулирует соискатель свои главные творческие достижения. Структура ПВЗ ранее подробно рассматривалась в [8, 15–18, 25].

Как уже говорилось, соискатель в известной степени выступает в роли проponenta¹³. Действительно, ему доверено построить системную аргументацию, чтобы доказать: достоверность своих ПВЗ, их новизну, научную ценность и (или) практическую значимость. Миссия оппонента – подвергнуть «атаке» те методологические «линии обороны», которые соискатель возвёл, защищая истинность своих ПВЗ и

¹³В некотором смысле это парадокс: ведь согласно одному из принципов римского права, *nemo iudex in causa sua*, то есть никто не судья в собственном деле. Видимо, в этом обстоятельстве можно видеть *аванс доверия*: каждый диссертант получает его от научного сообщества.

других результатов. Не вредно вспомнить, что критерий истины, прилагаемый оппонентом к ПВЗ, является ведущим оперативным средством *самоуправления* в науке. Так утверждает немецкий социолог Н. Луман (1927–1998) [26, с. 150]. Некоторые рекомендации соискателю по технологии возведения «линий обороны» ПВЗ даны в [8, с. 35–38; 25, с. 78–102] (там же выполнен анализ примеров (не)удачных формулировок). Поэтому оппонент при желании может воспользоваться проведённой классификацией типичных ошибок авторов ПВЗ и их стандартных характеристик.

Повышение степени объективности оценки диссертации при её экспертизе крайне желательно. По нашему мнению, это возможно, если оппонент добровольно возьмёт на себя *труд методолога*, а именно квалификацию ПВЗ в контексте возникновения нового знания. Для этого предлагаются следующие критериальные принципы.

- а) Признак теоретической (методологической) деятельности диссертанта – творческий переход от «сложившегося» («старого») предмета исследования к новому, имеющему методологические и эпистемологические *преимущества* в конкретных аспектах.
- б) Степень отличия нового предмета исследования от «сложившегося» есть критерий методологической (теоретической, фундаментальной) ценности *научного* ПВЗ. Если новый предмет исследования привёл и к формированию нового *объекта* исследования («объективация» [24, с. 95]), то степень его отличия от известного объекта есть критерий практической (технической, прикладной) ценности научного ПВЗ.
- в) Признак технической (экспериментальной, проектной) деятельности диссертанта – творческий переход от известного объекта исследования к новому, имеющему практические *преимущества* в конкретных аспектах.
- д) Степень отличия нового объекта исследования от исходного есть критерий практической (технической, прикладной) ценности *технического* ПВЗ. Если новый объект исследования привёл и к формированию нового *предмета* исследования, то степень его отличия от «старого» предмета есть критерий методологической (теоретической, фундаментальной) ценности технического ПВЗ.
- е) Упомянутые отличия результатов диссертанта от известных, то есть *новации*, «закодированные» в ПВЗ, имеют *четыре* уровня (сверху вниз):
 - целеполагания;
 - операциональных средств, построенных на основе полученной исследователем информации;
 - ресурсов;
 - работы с побочными продуктами деятельности (теоретико-познавательной, экспериментальной, проектной *etc.*).

Градации отличий соответствуют универсальным компонентам целеустремлённой системы деятельности [27, с. 22–23], традиции оценки класса изобретений в технике и шкале субъектов творчества [6, 25, 28].

Подчеркнём, что родовой чертой ПВЗ является ограниченность его «времени жизни» в профессиональном сообществе. Рано или поздно содержание ПВЗ подвергают уточнению, дополнению, редактированию, сокращению области применимости (порой же вовсе списывают в архив как добросовестное заблуждение¹⁴) и так – *ad*

¹⁴Случай, когда содержание ПВЗ есть злонамеренный обман, мы не обсуждаем.

infinitum. Обновление предмета исследования, связанное с выдвиганием ПВЗ, есть принципиально незавершаемый процесс, поскольку он взаимно обусловлен социокультурной эволюцией.

В свете этого соображения полезно вернуться к пункту «ε». Согласно иерархии уровней творчества, обобщившей сюжеты из истории науки, успешное целеполагание даёт наиболее долговечную новацию. Например, таковы цели деятельности, выдвинутые *впервые* корифеями европейского естествознания, вроде Галилея, Ньютона, Декарта. Второе место среди результатов-«долгожителей» занимают новые операциональные средства, связанные с совершенно новыми целями. А самыми «короткоживущими» достижениями (и соответственно – ПВЗ) обычно оказываются те, что касаются работы с побочными продуктами деятельности. На наш взгляд, эти обстоятельства желательно сознавать и диссертанту, и тем более – оппоненту, ранжирующему творческие деяния соискателя.

Согласно смыслу перечисленных принципов, оппонент исходит из того, что на первом (начальном) этапе деятельности диссертант получает от своих предшественников известный объект исследования. Исследователь воспринимает («видит») этот объект через призму «старого», то есть «сложившегося» (в терминологии В.М. Розина), предмета исследования. Второй этап деятельности соискателя начинается, когда возникают некие потребности в изменении, то есть в усовершенствовании, развитии предмета исследования. Эти потребности могут быть вызваны как процессами внутри научного сообщества, так и извне, в форме «социального заказа». Обычно требуется расширить знания об объекте исследования и способы получения этих знаний. В инженерных науках требуется построить новый объект и (или) технологию его создания. Эти потребности стимулируют диссертанта выдвинуть новые цели, задачи, совершенствовать старые языки описания либо разработать новые языки, а также методы и экспериментальную технику *etc.*

При благоприятном развитии событий соискатель артикулирует сущность содержания нового предмета исследования в виде ПВЗ. В свою очередь, построение нового предмета исследования обогащает диссертанта «новым зрением» при наблюдении объекта исследования. Поэтому резонно говорить и о новом объекте исследования. История науки знает немало случаев, когда объект исследования был открыт лишь благодаря построению нового *предмета* исследования. В этих сюжетах реальный объект или феномен был предсказан *a priori*¹⁵. Рискнём вывести из сказанного выше некую простую «формулу», толкующую каждое ПВЗ как «квант» научного знания:

«Новый предмет исследования = “старый” предмет исследования + сумма ПВЗ»

Эта символическая «формула» раскрывает место, какое в продуктивном познавательном процессе занимает научное либо техническое ПВЗ.

Пусть новый предмет исследования успешно прошёл все серии процедур верификации, включая критическое оппонирование, и получил признание в профессиональном сообществе. Тогда этот предмет должен рассматриваться далее как «сложившийся» (в смысле В.М. Розина). Очередная критическая ревизия его неизбежна

¹⁵Так, в 2016 г. группа экспериментаторов доказала наличие в природе гравитационных волн (зарегистрировав средствами лазерной интерферометрии их воздействие на детектор). А. Эйнштейн не был до конца уверен в их существовании, хотя его идея «искривления» пространства-времени вблизи массивных космических тел согласовывалась с представлением о волнах гравитации.

рано или поздно. Затем цикл перехода от старого предмета исследования к новому предмету повторяется – с некоторыми вариациями – снова и снова. Поэтому символическая «формула» раскрывает простейшую связь ключевых элементов, которые составляют *репликатор познавательной деятельности* [29]¹⁶.

6. Позиция и форма творческого самовыражения официального оппонента

Нам представляется, что позиция оппонента поневоле *двойственная*. С одной стороны, будучи грамотным методологом и зная принцип Эшби, он понимает, что необходимо всячески повышать степень *разнообразия* в его науке: разнообразия подходов, концепций, теорий, моделей, толкований, инструментов и т.п. С другой стороны, на него сообщество коллег возлагает очень ответственную миссию: хранить *чистоту традиции*, то есть арсенал получения научного знания, не допускать профанации интеллектуальной деятельности, искажения ключевых критериев её продуктивности. С одной стороны, оппонент, зная, как трудно «продвигать» среди коллег свои оригинальные результаты, не может не чувствовать *солидарности* с диссертантом (в положении которого был и он сам в прошлом). С другой – он уполномочен научным сообществом обеспечивать *самоочищение* его науки: идейное, методологическое, кадровое, публикационное. Следовательно, ему вменяется в обязанность не допускать в фонд научного знания ошибочные, сомнительные, не обеспеченные должной аргументацией результаты, а также ставить барьер шарлатанам, плагиаторам и прочим тёмным личностям.

Выше мы уделили внимание оппоненту как источнику объективности, радеющему за максимально строгую обоснованность оценок. Не забудем, что экспертизе подвергается творческое произведение, каким является (обычно) диссертация. И поскольку за ней стоит *личность* автора (а не робот, не автомат, даже не аноним), то, конечно, в самом оппоненте его личностное начало ни в коем случае не должно подавляться. Как же возможно представить диалог-дискуссию двух личностей – автора и оппонента, – на какой почве? Вероятно, всё на той же, на которой взошла диссертация, то есть на почве научного (технического и т.п.) творчества.

Отдав «кесарю кесарево», то есть тщательно выполнив требования ВАК (дабы не навредить соискателю и диссертационному совету), а также найдобросовестнейшим образом проведя экспертизу работы с опорой на принципы её объективной оценки, оппонент имеет право, на наш взгляд, творчески выразить свою личность исследователя. Иначе говоря, для профессиональной пользы диссертанта и сообщества, следящего за ходом защиты, оппонент вправе совершенно сознательно и *открыто* перейти в сферу своих частных предпочтений и пристрастий творческого субъекта.

Вероятно, одним из факультативных вариантов такого поведения, такой интеллектуальной игры способен стать демонстративный переход оппонента в позицию гипотетического *альтернативного решателя* одной из задач или даже нескольких, которые поставил и решил по-своему диссертант в квалификационной работе.

¹⁶Репликатор есть информационная структура, устойчиво самовоспроизводящаяся в подходящей среде и обладающая изменчивостью. Таков, например, ген, мем, волна, фотон в лазере.

Условное название роли оппонента в этой методологической пьесе – «если бы диссертантом был я»¹⁷. В таком случае оппоненту предстоит на конкретном материале сравнить два стиля мышления, два способа интерпретации и вербализации результатов: автора диссертации и свой, – выявить возникающие отсюда сходства-различия, широту-узость, глубину-поверхностность, другие преимущества-недостатки и т.п. Разумеется, вся объективная (традиционная) аналитика рабочего эскиза *воображаемой* диссертации оппонента должна быть выполнена в полном объёме!

Если оппонент в этой роли «реконструктора» способен действовать *lege artis*, то его эскиз воображаемой диссертации вдвойне плодотворен. Во-первых, он способен – в принципе – выявить, подчеркнуть оригинальность, нешаблонность труда изобретательного диссертанта. Во-вторых, оттенит индивидуальность соискателя, неповторимость его творческого почерка. Либо принадлежность к иной научной школе, что тоже полезно для честного научного спора. В третьих, расширит пространство дискуссии, причём тем значительнее, чем существеннее отличается субъективный исследовательский *modus operandi* у диссертанта и оппонента.

Заключение

Вероятно, читателю ясно, что авторы стремятся убедить его: формализм, неотделимый от подготовки и защиты диссертации, можно (и нужно) преодолеть, компенсировать *когерентностью* действий соискателя и оппонента¹⁸. Но это – отнюдь не преступный сговор двух и более лиц. Это означает согласованность идеалов научности и принципов экспертизы результатов, включая текущую самооценку диссертанта. Что в этой ситуации требуется от него? Методологическая предприимчивость, здравая рефлексия над собственными новациями, обогатившими предмет исследования, тщательная артикуляция ПВЗ, других результатов и их характеристик (здесь соискателю даны полномочия пропонента).

А что ожидается от его ролевого противника – наряду с указанными ранее обязательными компонентами в его отзыве? Умение подвергнуть критическому анализу все ПВЗ и их характеристики, верифицируя те конкретные аспекты, которые подразумевают п. α–δ, и безошибочно «измерить» достижения диссертанта по шкале в п. ε. Чем ответственнее отнесутся к своим методологическим обязанностям диссертант, формулируя ПВЗ, и оппонент, испытывая «на излом» их корректность, тем больше стиль защиты будет похож на интеллектуальное фехтование, а не на имитацию диалога.

¹⁷Из уст оппонентов мы часто слышим откровенное признание: «В диссертации *N.N.* мне (не) понравилось...» Такой подход уже как-то приоткрывает приватное творческое лицо оппонента. К сожалению, он оказывается сугубо вкусовым, труднообъяснимым, а то и вовсе необъяснимым. Такая реакция оппонента обычно относится не к принципиальным сторонам работы, а к второстепенным деталям, вроде числа глав, варианта терминологии, композиции рукописи etc.

¹⁸Причина соприродности автора и его оппонента – *импликация*, задающая внутреннюю форму ПВЗ. Импликация лежит и в основе передаточной характеристики (ПХ) $V(A)$. Согласно И.В. Измайлову, прибор, программу для ЭВМ и т.п. логично считать «наблюдателем 1-го уровня» (над объектом исследования). А его обзрывает «наблюдатель 2-го уровня», то есть диссертант. ПВЗ, раскрывающее *смысл* $V(A)$, есть ПХ самого «наблюдателя 1-го уровня». Возможно ли помыслить ПХ автора ПВЗ, то есть соискателя? Да, если ввести «наблюдателя 3-го уровня». Это – оппонент! Ему «объектом» исследования служит источник нового знания: диссертант вкупе с его сочинением. В свою очередь, ПХ соискателя как творческого лица – центр отзыва оппонента [24, с. 119–121].

Всё же не ради фехтования – при всей его поучительной эффектности – затевается защита. Авторы по-старомодному видят в церемонии защиты борьбу за смысл, за λόγος, как сказал бы грек. Возможно, поэтому стоит подчеркнуть нетождественность смысла и значения. Методологи настаивают на том, что следует выделять *смысл-сущность*, *смысл-цель* и *смысл-ценность* [30, с. 85]. Оппонирование принадлежит контексту изучения природы вещей, а оно непредставимо без поиска смысла-сущности. Но и два других измерения смысла, кажется, не чужды оппонированию?

Библиографический список

1. *Петрученко О.* Латинско-русский словарь. М.; Пг.; Харьков: Т-во «В.В. Думнов, Наследники Бр. Салаевых», 1918. 810 с.
2. *Негин А.Е.* Римское церемониальное и турнирное вооружение. СПб : Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 232 с.
URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/negin_rimskoe_vooruzhenie/negin_rimskoe_vooruzhenie.pdf.
3. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. Репринт 5-го издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 1370 стлб.
4. *Шиповалова Л.В., Мальшикин Е.В.* Исторический исток научной объективности, или О возможном ответе на «скандальный» вопрос философии // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 96–105.
5. *Аникин В.М.* Альберт Эйнштейн и Питирим Сорокин: Истории диссертационных защит // Известия вузов. Прикладная нелинейная динамика. 2011. Т. 19, № 3. С. 52–76.
6. *Аникин В.М., Пойзнер Б.Н., Соснин Э.А., Шувалов А.В.* Феномен научной школы: История, типология получения и передачи знаний, психология коммуникаций / Под общ. ред. В.М. Аникина. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015. 232 с.
7. *Шарнина А.Б.* Глускина Лия Менделевна (27.06.1914 г., Минск – 06.02.1991 г., Ленинград) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 2. СПб : Изд-во СПбГУ, 2003. 424 с.
URL : <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon03.htm>
8. *Аникин В.М., Усанов Д.А.* Диссертация в зеркале автореферата: Метод. пособие для аспирантов и соискателей ученой степени естественно-научных специальностей. Изд. 3, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2013. 128 с.
9. *Аникин В.М., Пойзнер Б.Н.* Государственная итоговая аттестация аспиранта: От формальности к превентиве // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2015. № 11. С. 17–21.
10. *Аникин В.М., Пойзнер Б.Н.* Научное руководство аспирантами: «Внутренние» и «внешние» регуляторы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Физика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 83–88.
11. *Аникин В.М., Измайлов И.В., Пойзнер Б.Н.* Диссертанту о восприимчивости, числовой оценке и защите научных результатов // Известия вузов. Прикладная нелинейная динамика. 2014. Т. 22. № 6. С. 25–34.

12. *Аникин В.М., Пойзнер Б.Н.* Какова природа интересного, или дефиниции науки и научности – эпистемологический компонент профессиональной компетенции (радио)физика как инженера-исследователя // *Известия вузов. Физика.* 2013. Т. 56. № 10/3. С. 118–120.
13. *Аникин В.М., Измайлов И.В., Пойзнер Б.Н.* Диссертация: Характеристики научности // *Гетеромагнитная микроэлектроника: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. А.В. Ляшенко.* Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2014. Вып. 16. С. 105–118.
14. *Аникин В.М., Пойзнер Б.Н.* Как диссертанту аргументировать достоверность научных положений и результатов, выносимых на защиту // *Известия вузов. Физика.* 2011. Т. 54. № 6. С. 105–108.
15. *Аникин В.М., Измайлов И.В., Пойзнер Б.Н., Соснин Э.А.* Защищаемое положение в диссертации как трансдисциплинарный научный жанр // *Известия вузов. Физика.* 2015. Т. 58, № 8/3. С. 300–303.
16. *Аникин В.М., Пойзнер Б.Н.* Эпистемологические упражнения магистранта: Формулировка и оценка научных положений в своей диссертации // *Изв. вузов. Физика.* 2012. Т. 55, № 8/3. С. 213–214.
17. *Аникин В.М., Пойзнер Б.Н., Усанов Д.А.* Схема поаспектной характеристики диссертации: Правила, рекомендации, примеры // *Известия вузов. Прикладная нелинейная динамика.* 2009. Т. 17, № 3(97). С. 137–150.
18. *Аникин В.М., Усанов Д.А.* Автореферат диссертации: Функции, структура, значимость // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Физика.* 2008. Т. 8, № 2. С. 61–73.
19. *Аникин В.М., Пойзнер Б.Н.* Коммуникативная функция автореферата и уровень лингво-дисциплинарной компетенции диссертанта // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Физика.* 2013. Т. 13, вып. 1. С. 80–86.
20. *Шварц А.Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. Серия: Мемуары русской профессуры. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1994. 362 с. В доп.: *Соболевский С.И.* Александр Николаевич Шварц: Очерк. С. 147.
21. *Огурцов А.П.* Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: в 3 ч. Ч. 2 : Философия науки: Наука в социокультурной системе. СПб.: Мирь, 2011. 495 с.
22. *Сердюкова Е.В.* Материалы из архивов Н.О. Лосского и А. Эйнштейна: Дискуссия о пространстве и времени (1950-е гг.) // *Вопросы философии.* 2017. № 1. С. 81–90.
23. *Розин В.М.* Расколдовывание и деструкция понятия «объект» (методологический анализ) // *Вопросы философии.* 2015. № 6. С. 41–52.
24. *Розин В.М.* Понятия «предмет» и «объект» (методологический анализ) // *Вопросы философии.* 2012. № 11. С. 85–96.
25. *Соснин Э.А., Пойзнер Б.Н.* Осмысленная научная деятельность. М.: РИОР: ИНФРА-М. 2015, 148 с.
26. *Луман Н.* Мировое время и история систем // *Логос: Журнал по философии и прагматике культуры.* 2004. № 5(44). С. 131–168.
27. *Корогодин В.И.* Информация и феномен жизни. Пушкино : Пушкинский научный центр РАН, 1991. 204 с.

28. *Соснин Э.А.* Методы решения научных, технических и социальных задач: Учеб. пособие / Под ред. А.Н. Солдатова. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2016. 376 с.
29. *Пойзнер Б.Н.* О «субъекте» самоорганизации // Изв. вузов. Прикладная нелинейная динамика. 1996. Т. 4, № 4–5. С. 149–158.
30. *Гаспарян Д.Э.* Тайнство естественной семантики: Трансцендентальное изменение смысла и проблема искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 81–94.

References

1. Petruchenko O. Latin-Russian Dictionary. Moscow; Petrograd; Kharkov: Association «V.V. Dumnov, Heirs of brothers Salayev», 1918. 810 p.
2. Negin A. E. Roman Zeremoniell and Turnier Arme. St-Petersburg: Fakultet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya, 2010. 232 p.
URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/negin_rimskoe_vooruzhenie/negin_rimskoe_vooruzhenie.pdf (in Russian).
3. Weisman A.D. Greek-Russian Dictionary. Reprint of 5th edition 1899. Moscow: Yu.A. Shichalin's Greco-Latin room, 1991. 1370 clmn. (in Russian).
4. Shipovalova L.V., Malyshkin E.V. Historical source of scientific objectivity, or About possible answer on «scandal» question of philosophy. *Voprosy Filosofii*. 2016. Vol. 12. Pp. 96–105 (in Russian).
5. Anikin V.M. Albert Einstein and Pitirim Sorokin: history of dissertation defenses. *Izvestiya VUZ. Applied Nonlinear Dynamics*. 2011. Vol. 19. Iss. 3. Pp. 62–79 (in Russian).
6. Anikin V.M., Poizner B.N., Sosnin E.A., Shuvalov A.V. The Phenomenon of the Scientific School: History, Typology of the Knowledge Receipt and Transmission, Psychology of Communication. Ed. V.M. Anikin. Saratov University Press, 2015. 232 p. (in Russian).
7. Sharnina A.B. Gluskina Liya Mendelevna (27.06.1914, Minsk – 06.02.1991, Leningrad). Mnemon. Studies and Publications on the History of the Ancient World. Ed. E.D. Frolov. St-Petersburg University Press, 2000. Iss. 2. 424 p.
URL : <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon03.htm> (in Russian)
8. Anikin, V.M., Usanov, D.A. Dissertation in the Mirror of the Abstract: Textbook manual for graduate students and competitors of scientific degree of natural-science specialties. Moscow: INFRA-M, 2013. 128 p. (in Russian).
9. Anikin V.M., Poizner B.N. State final attestation of post-graduate: From formality to preventiveness. *Alma Mater (Vestnik Vysshoi shkoly)*. 2015. Iss. 11. Pp. 17–21 (in Russian).
10. Anikin V.M., Poizner B.N. Scientific supervision by graduate students: «internal» and «external» regulators. *Izvestiya Saratov Univer. (N.S.), Ser. Fizika*. 2015. Vol. 15, iss. 1. Pp. 83–88 (in Russian).
11. Anikin V.M., Izmailov I.V., Poizner B.N. About perception, numerical rating and protection of scientific results. *Izvestiya VUZ. Applied Nonlinear Dynamics*. 2014. Vol. 22, iss. 6. Pp. 25–34 (in Russian).

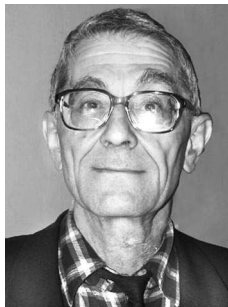
12. Anikin V.M., Poizner B.N. The nature of the interest and definition of scientific character as an epistemological component of the professional competence of a physicist and an engineer. *Izvestiya VUZ. Fizika*. 2013. Vol. 56, iss. 10/3. Pp. 118–120 (in Russian).
13. Anikin V.M., Izmailov I.V., Poizner B.N. Dissertation: Scientific characteristics. *Geteromagnitnaya Mikroelektronika*. 2014. Iss. 16. Pp. 105–118 (in Russian).
14. Anikin V.M., Poizner B.N. On validation arguments of defended scientific statements and results. *Izvestiya VUZ. Fizika*. 2011. Vol. 54, iss. 6. Pp. 105–108 (in Russian).
15. Anikin V.M., Izmailov I.V., Poizner B.N., Sosnin E.A. A defended statement in a thesis as a transdisciplinary scientific genre. *Izvestiya VUZ. Fizika*. 2015. Vol. 58, iss. 8/3. Pp. 300–303 (in Russian).
16. Anikin V.M., Poizner B.N. Epistemological exercises of master student: formulation and evaluation of scientific statements in his thesis. *Izvestiya VUZ. Fizika*. 2012. Vol. 55, iss. 8/3. Pp. 213–214 (in Russian).
17. Anikin V.M., Poizner B.N., Usanov D.A. Scheme of the aspect characteristic of the dissertation: rules, recommendations, examples. *Izvestiya VUZ. Applied Nonlinear Dynamics*. 2009. Vol. 17, iss. 3(97). Pp. 137–150 (in Russian).
18. Anikin V.M., Usanov D.A. Abstract of the thesis: functions, structure, significance. *Izv. Saratov Univ. (N.S.). Ser. Fizika*. 2008. Vol. 8, iss. 2. Pp. 61–73 (in Russian).
19. Anikin V.M., Poizner B.N. Communicative function of thesis and professional grade of dissertator. *Izvestiya Saratov Univer. (N.S.), Ser. Fizika*. 2013. Vol. 13, iss. 1. Pp. 80–86 (in Russian).
20. Schwarz A.N. My correspondence with Stolypin. My memories of the Emperor. Moscow: Yu.A. Shichalin's Greco-Latin room, 1994. 362 p. (in Russian).
21. Ogurtsov A.P. The Philosophy of Science: Twentieth Century: Conceptions and Problems. In 3 parts. P. 2. St-Petersburg: Mir. 2011. 495 p. (in Russian).
22. Serdyukova E.V. Materials from the Archives of N.O. Lossky and A. Einstein: The Discussion of Space and Time (the 1950s) // *Voprosy Filosofii [Russian Studies in Philosophy]*. 2017. Vol. 1, Pp. 81–90 (in Russian).
23. Rozin V.M., Disenchanting and Destruction of «Object» Concept (the Methodological Analysis). *Voprosy Filosofii. [Russian Studies in Philosophy]*. 2015. Vol. 6. Pp. 41–52 (in Russian).
24. Rozin V.M., The Terms «Subject» and «Object» (the Methodological Analysis). *Voprosy Filosofii. [Russian Studies in Philosophy]*. 2012. Vol. 11. P. 85–96 (in Russian).
25. Sosnin E.A., Poizner B.N. Meaningful Scientific Activity, Moscow: INFRA-M, 2016. 148 p. (in Russian).
26. Luhman N. The World Time and History of Systems. *Logos: Journal of Philosophy and Pragmatics of Culture*. 2004. Vol. 5(44). Pp. 131–168 (in Russian).
27. Korogodin V.I. Information and the Phenomenon of Life. Pushchino: Pushchino Research Center of Russian Academy of Sciences Publ. 1991. 204 p. (in Russian).
28. Sosnin E.A. Methods for Solving Scientific, Technical and Social Problems: Textbook manual. Ed. A.N. Soldatov. Tomsk, TSU Publishing House, 2016. 376 p. (in Russian).

29. Poizner B.N. On the Self-organization «Subject». *Izvestiya VUZ. Applied Nonlinear Dynamics*. 1996. Vol. 4, No 4–5. Pp. 149–158 (in Russian).
30. Gasparyan D.E. The Mystery of the Natural Semantics: The Transcendental Dimension Meaning and the Problem of Artificial Intelligence. *Voprosy Filosofii [Russian Studies in Philosophy]*. 2017. Vol. 4. P. 81–94 (in Russian).

Аникин Валерий Михайлович – родился в г. Аткарске Саратовской области (1947). Окончил физический факультет Саратовского государственного университета (1970). Доктор физико-математических наук, профессор, декан физического факультета СГУ, заведующий кафедрой компьютерной физики и материалов на базе Саратовского филиала Института радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН, ученый секретарь диссертационного совета Д 212.243.01 на базе СГУ. Область научных интересов – математическое моделирование хаотических и стохастических процессов, диссертациеведение. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2012).

410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83
 Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Физический факультет
 E-mail: AnikinVM@info.sgu.ru

Поизнер Борис Николаевич – родился в Томске (1941). Окончил радиофизический факультет Томского государственного университета (1963). Защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата физико-математических наук (1970). Профессор кафедры квантовой электроники и фотоники. Читает лекции по нелинейной оптике, лазерной технике, основам синергетики, социальной информатике. Автор и соавтор более 400 публикаций, 10 изобретений, 20 учебных пособий и монографий по физике лазеров, процессам самоорганизации и хаотизации в оптических, радиофизических, социокультурных системах, вопросам вузовской педагогики и (само)образования, науковедению и культурологии, проблемам творчества как целенаправленной деятельности в обществе. Заслуженный работник высшей школы РФ (2005). Учёный секретарь диссертационного совета Д 212.267.04 на базе ТГУ. Действительный член Национального союза библиофилов РФ.

634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36
 Радиофизический факультет
 E-mail: pznr@mail.tsu.ru